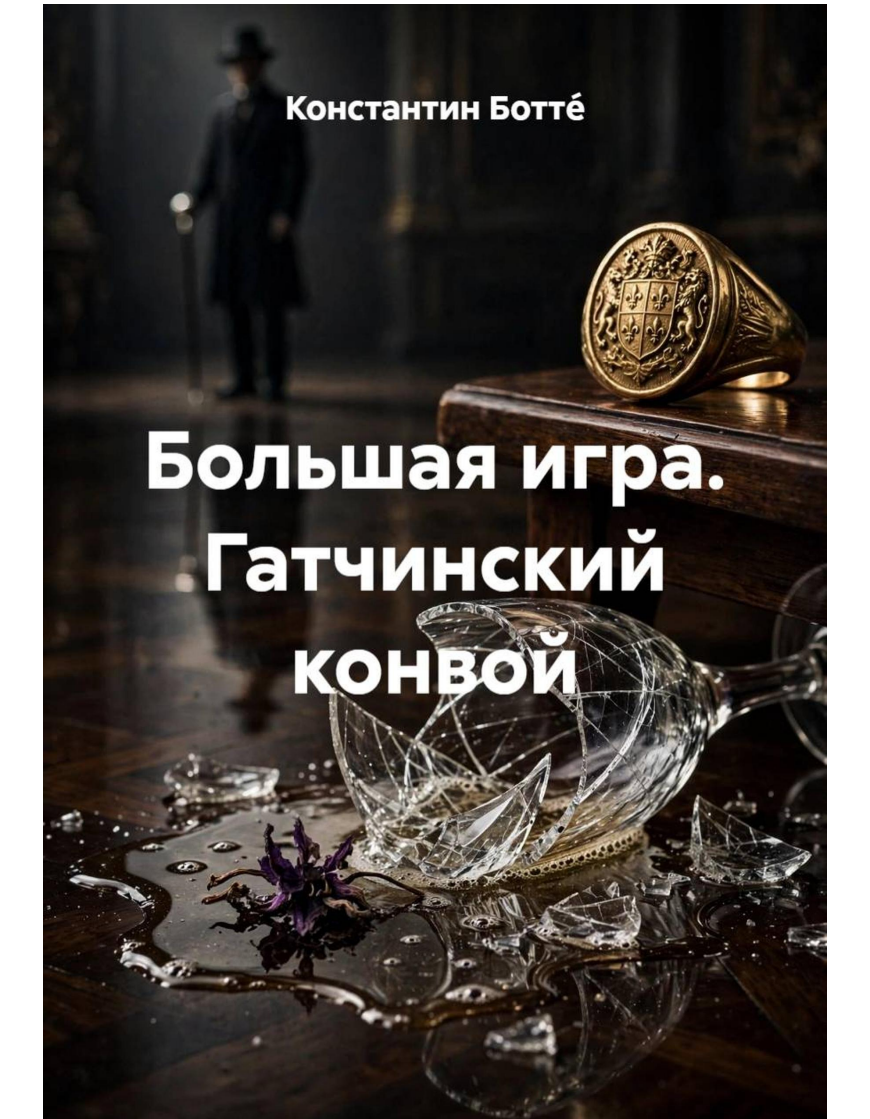

Константин Боттэ

Большая игра. Гатчинский конвой

Константин Боттё

Большая игра.

Гатчинский конвой

<https://litres.ru/74519912>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Гатчинский конвой» – остросюжетный исторический детектив и вторая книга тетралогии «Большая игра», продолжающая летопись смертельного противостояния разведок на закате Российской империи. После гибели генерала Скобелева в первой части («Белый генерал»), тайная война между Петербургом и Лондоном уходит в глубокое подполье, а судьба страны начинает решаться не на полях сражений, а в полумраке закрытых кабинетов.

Главный герой, капитан контрразведки Родион Воронежский, официально объявлен мертвым для внешнего мира. Став «Призраком Гатчины» – безымянным инквизитором империи на службе у Александра III, он начинает охоту на предателя в высших эшелонах власти.

Константин Боттё

Большая игра.

Гатчинский конвой

Глава 1

Глава 1. Полночный суверен

Июльский ливень хлестал по кожаному верху наёмной пролётки с упрямой, глухой яростью, словно пытался смыть с лица земли саму дорогу на Гатчину. Вода прибывала ежеминутно, превращая пригородный тракт в вязкое месиво из глины и битого камня. Колёса то и дело проваливались в глубокие рытвины, и тогда тяжёлый экипаж швыряло из стороны в сторону, а железные обода колёс выпускали протяжный, скрежещущий стон.

Капитан Воронежский сидел в полумраке салона абсолютно неподвижно, уперевшись ладонями в колени. Правая рука, изуродованная жёсткими, стянутыми шрамами от азиатских ожогов, тупо ныла к перемене погоды. Шея, туго перемотанная под наглухо застегнутым воротником гражданского пальто, нестерпимо горела. Синяки от стальных пальцев Кортленда ещё не сошли, напоминая о роковой ночи в но-

мерах «Англии» при каждом повороте головы.

В Москве, откуда Родион выехал сутки назад экстренным курьерским поездом, осталась удушливая предгрозовая жара, разгромленный гостиничный номер и тело Михаила Скобелева, которое сейчас спешно готовили к официальному вскрытию лучшие профессора университета. Официальный диагноз уже был спущен сверху: паралич сердца от переутомления. Ложь, рожденная паркетными кабинетами Петербурга, уже начала душить страну.

Воронецкий осторожно, стараясь не делать резких движений, запустил левую руку под подкладку мокрого сукна. Его пальцы наткнулись на плотный, жесткий картон папки, перевязанной разорванной георгиевской лентой. «Индийский план» был на месте. Кожаный саквояж генерала остался у Сухова, но самое ценное контрразведчик вёз на собственной груди. Там же, в кармане жилета, рядом с мерно тикающими отцовскими часами, лежал тяжелый кусок золота – перстень-печатка графа Воронцова-Вельяминова. Весь багаж, оставшийся от великого похода, уместился под подкладкой одного пальто.

Пролётка резко дернулась, и копыта лошадей с хлопанием заскользили по размокшей глине. Животные испуганно и дико заржали. За окном, рассекая плотную стену ливня, вспыхнул жёлтый огонь керосинового фонаря, закрепленного на высоком деревянном столбе шлагбаума.

– Стой! Лошадей держи! Кто едет?! – сквозь грохот бури

прорвался зычный, сорванный на ветру крик. – Оружие к осмотру! Выходи по одному!

Воронецкий выдохнул, натянул фетровую шляпу глубже на глаза, скрывая бледное лицо, и толкнул тяжёлую деревянную дверцу кареты. Он шагнул прямо в жидкую грязь, едва удержавшись на ногах. Сверху на него обрушились потоки балтийской воды. Сукно плаща мгновенно отяжелело, напитавшись влагой.

Они стояли у первого, внешнего кордона Охраны Гатчинского дворца, перекрывавшего тракты со стороны Пулковских высот. Из темноты, подставляя лица секущим струям дождя, на Родиона смотрели трое лейб-гвардейцев Егерского полка. Их четырехлинейные игольчатые штыки на винтовках Бердана поблескивали в тусклом мареве фонаря. Командовал постом жандармский ротмистр. Его светло-синий мундир под суконным плащом из-за грязи и воды казался почти чёрным. В пяти шагах позади, у бревенчатой караулки, переминались с ноги на ногу еще четверо казаков конвоя с карабинами за плечами.

– Предъявите подорожную и билеты, мосье, – ротмистр шагнул вперед. – Гатчинский выезд закрыт по особому распоряжению со вчерашнего дня. Личные экипажи разворачиваются обратно на Гатчинское шоссе и Царское Село.

Воронецкий не стал тратить слова. Он слишком хорошо понимал, что обычный чиновник или купец сейчас был бы безжалостно развёрнут обратно или отправлен под конво-

ем на допрос в уездную управу. Время было военным. После бомбы народовольцев, разорвавшей императора Александра II, империя судорожно сжимала зубы. Каждый прохожий здесь, у ворот царского убежища, считался потенциальным террористом с чугунным снарядом под плащом.

Родион молча залез во внутренний карман, стараясь не задеть разорванную георгиевскую ленту на папке, достал небольшую кожаную книжицу со специальным жандармским тиснением и раскрыл её прямо под носом у офицера.

На бланке не было его имени. Только личный цифровой код Отдельного корпуса и особая, мастичная фиолетовая печать Собственной Охраны Гатчинского дворца, завирированная лично генералом Черевиным. Это был высший мандат неприкосновенности. Пропуск в мир «живых мертвецов».

Ротмистр взгляделся в фиолетовые цифры сквозь пелену дождя, и его лицо мгновенно изменилось. Он вытянулся, едва не выронив фонарь, а гвардейцы позади него синхронно подняли штыки вверх, освобождая проход.

– Прошу прощения, ваше благородие... Не признал в партикулярном платье, – хрипло произнес ротмистр, козыряя мокрой перчаткой. – Проезжайте. Но у самого дворца досмотр повторится. Там конвой лейб-казаков лютует, никого без личного доклада начальника охраны не пускают.

– Знаю, – коротко бросил Воронежский. – Трогай, кучер. Пролётка снова рванулась вперед, преодолевая последние

вёрсты до Каменного затвора.

Еще через десять минут из серой, бурлящей мглы ливня выросли циклопические очертания Гатчинского замка. Огромный, мрачный дворец из пудостского известняка казался высеченным из цельной скалы. Его Сигнальная и Часовая башни резали ночное небо, словно два каменных часовых. Из сотен окон огромного здания горели лишь единицы. Гатчина жила в режиме осажденной цитадели. Здесь пахло не величием империи, а удушливым, концентрированным страхом. Каменные стены толщиной в полтора аршина должны были защитить самодержца.

Экипаж остановился у тёмных ворот Арсенального каре. Не успел Воронежский сойти с подножки, как к карете подбежали двое бородатых казаков в черных черкесках с кинжалами-камами за поясами. Они действовали молча и грубо перехватили Родиона под локти, прижали к мокрой стене подъезда и начали бесцеремонно хлопать по карманам плаща, проверяя наличие оружия и взрывных снарядов.

Один из казаков наткнулся на жёсткий картон под его подкладкой и рванул ткань на себя.

– Что тут? А ну, вынимай!

Воронецкий оскалился, его левая рука со сломанными в рукопашной ногтями мертвой хваткой вцепилась в запястье казака.

– Руки убрал, пластун... Своих не признал?

– Свои, дураки! Назад! – из темноты подъезда донесся су-

хой, властный голос.

Казачи тут же отступили, вытянувшись во фронт. Из дверей вышел генерал-майор Черевин, начальник Собственной Государевой Охраны. На нём был простой домашний китель без орденов, лицо казалось серым от хронической усталости, а под глазами залегли глубокие мешки.

– Живой, Воронежский? – Черевин внимательно осмотрел изможденное лицо капитана, задерживая взгляд на повязке на шее. – Из Москвы телеграфировали, что на Хитровке была стрельба. Государь ждет тебя. План у тебя?

– У меня, Пётр Александрович, – Воронежский прижал руку к груди, под которой хрустнул картон. – И план здесь, и печать Воронцова.

– Тогда иди за мной. И тише... Дворец полон ушей, – Черевин повернулся и шагнул внутрь здания.

Они пошли по бесконечным, гулким коридорам Арсенального кара. Гатчинский замок внутри казался вымершим склепом. Шаги их тяжелых сапог по паркету разносились под сводами далеким, пугающим эхом. На каждом повороте, у каждой запертой двери стояли безмолвные часовые Корпуса жандармов, чьи руки лежали на затворах винтовок. Воздух здесь был особенным, гатчинским. Он был пропитан запахом жжёного угля из огромных голландских печей, сырого камня и ружейного масла. Этот запах навсегда въестся в одежду Воронежского.

Сверху, со стороны Часовой башни, донёсся тяжелый,

мерный удар дворцовых часов. Полночь. Этот звук отозвался в груди Воронежского тупой болью. Скобелева больше нет. Время Большой игры сделало свой главный, необратимый ход.

Черевин остановился у неприметной узкой двери в конце галереи третьего этажа, скрытой за тяжелой гобеленовой портьерой. Из-за двери пробивался тонкий луч жёлтого света. Генерал трижды коротко постучал, дождался глухого, рокочущего «Войдите!» изнутри, и толкнул створку, пропуская Воронежского вперед.

Воронецкий сделал шаг за порог, входя в теневой кабинет самодержца Всероссийского.

Кабинет императора Александр III поражал своей подчеркнутой, почти спартанской аскетичностью, которая никак не вязалась с привычным европейским представлением о роскоши династии Романовых. Никакого позолоченного барокко, хрустальных каскадов или шёлковых обоев Зимнего дворца. Простые дубовые панели по стенам, потемневшие от времени, тяжелый письменный стол, заваленный картами Генерального штаба и секретными оперативными сводками, да несколько глубоких кожаных кресел с трещинами на спибах. В углу глухо потрескивали дрова в камине, швыряя на персидский ковер колеблющиеся багровые отсветы и наполняя комнату сухим, смолистым жаром.

За столом сидел человек колоссального, медвежьего сложения. Александр III. На нём был простой суконный мун-

дир датского пехотного полка без эполет, расстегнутый у горла. Его тяжёлый, монолитный подбородок был опущен, а из-под густых, нависших бровей на вошедшего Воронежского уставился свинцовый, леденящий взгляд самодержца. Вся его монументальная фигура дышала первобытной, пугающей физической силой.

При появлении капитана царь не поднялся. В его огромной, мозолистой правой руке была зажата массивная серебряная лупа. Медленным, страшным в своей обыденности движением император вдруг сжал пальцы. Толстое литое серебро оправы с глухим хрустом деформировалось, поддавшись весу его медвежьей ладони. Он отложил испорченную вещь в сторону, словно не заметив этого.

– Ваше Императорское Величество, – Воронежский шагнул к столу и замер, вытянувшись во фрунт. Шляпа осталась в руках Черевина, и теперь Родион стоял перед государем, не скрывая следов страшной московской ночи.

Царь долго, почти минуту, молча разглядывал контрразведчика. Его взгляд задержался на ссадинах у виска Воронежского, затем переместился на грязный воротник и, наконец, остановился на белой повязке, стягивавшей горло.

– Черевин говорит, ты из самого пекла, капитан, – глухо, рокочущим басом произнес Александр III. Голос его был тяжёлым, как удары кузнечного молота. – Садись. Не люблю, когда надо мной стоят.

Воронецкий опустил на край жёсткого кожаного стула.

Ожоги на руках от азиатского огня горели, но он заставил себя забыть о боли. Он залез под подкладку мокрого сукна и вытащил плотную, истерзанную картонную папку.

– Выполняя ваш личный приказ, государь... – Воронежский бережно положил папку на сукно стола. – Я вернул это. Оригинал «Индийского плана» генерала Скобелева.

Царь посмотрел на бумаги, но руки к папке не протянул. Тогда Воронежский запустил пальцы в жилетный карман, достал массивный золотой перстень-печатку и с глухим стуком опустил его рядом с документами. Золото тускло блеснуло в отсветах камина. На камне отчетливо читался вырезанный герб рода Воронцовых-Вельяминовых.

– А это, Ваше Величество, улика против того, кто дирижировал заговором из Санкт-Петербурга, – тихо, но со стальной интонацией произнес Родион. – Личный перстень товарища министра иностранных дел графа Воронцова. Британский ликвидатор Кортленд выкинул его мне под ноги, заметая следы перед бегством. Граф Воронцов использовал семейные архивы для шифрования депеш в Уайтхолл. Это он сдал Скобелева. Это он приказал московским жандармам снять охрану с Петровки, чтобы расчистить дорогу убийце.

Александр III медленно пододвинул к себе золотую печатку. Его огромные, мозолистые пальцы взяли кольцо, перевернули его. Царь взгляделся в гравировку на внутренней стороне ободка: «00-BB».

В кабинете снова повисла давящая тишина. Было слышно

только, как за окном ветер швыряет пригоршни дождя в толстые стекла Гатчинского замка. Воронежский ждал. Капитан контрразведки, прошедший через ад рукопашной на Петровке, ждал только одного слова своего императора – приказа об аресте Воронцова-Вельяминова. Приказа о вводе батальона жандармов на Дворцовую площадь. Честь Скобелева требовала этой расплаты.

Император тяжело вздохнул. Его огромная грудь поднялась и опустилась. Он не взял гнутую лупу. Он просто сжал золотую печатку в кулаке с такой силой, что суставы его пальцев побелели.

– Ты хорошо воюешь, капитан, – тихо, почти без гнева произнес царь, глядя куда-то сквозь Воронежского. – Зверя в Азии поймал, шифры в Париже взломал. Настоящий государев пёс. Но ты не видишь дальше своего прицела.

Александр III медленно поднялся со своего места. Его гигантская фигура буквально заслонила собой свет камина, бросив на Воронежского чёрную тень.

– Ты хочешь, чтобы я завтра арестовал Воронцова? – царь подошёл к камину, заложив руки за спину. – Чтобы я вывел его в кандалах перед Сенатом? И что я скажу России? Что я скажу Европе? Что правая рука моего министра иностранных дел, утончённый аристократ и орденосец, три года торговал шифрами пограничных гарнизонов? Что национального героя империи, перед которым трепетал весь Восток, отравили в борделе, как паршивую собаку, при полном

попустительстве моей собственной тайной полиции?

Царь резко повернулся, его лицо потемнело от сдерживаемой ярости.

– Начнется паника, Воронежский! Газеты в Лондоне и Париже поднимут такой вой, что наши международные кредиты рухнут за неделю. Мы по уши в долгах у французских банкиров! Империя едва дышит после турецкой кампании, казна пуста. Британский флот заблокирует Кронштадт, а Берлин ударит с запада, пользуясь нашей растерянностью. Империя не готова к мировой войне! Отец мой погиб от бомбы год назад, у меня под боком нигилисты сушат порох! Я не имею права жечь Россию ради мести за одного, пусть и великого генерала!

Воронецкий замер. Слова царя падали на его душу, как удары топора, окончательно вытравливая из него остатки дворянского идеализма. Он понял, что Воронцов был прав в ту ночь на Мойке. Система защищала себя, прикрывая измену высшей государственной необходимостью.

– Значит... граф останется в своем кабинете? – леденящим, мёртвым шепотом спросил Родион, поднимая глаза на самодержца.

– Он останется там, где нужен мне, – отрезал Александр III. – Но его шпионская лавочка закрыта. Скобелев умер от паралича сердца. Так занесено в анналы, и так будет записано в учебниках истории. А этот план...

Император подошел к столу, взял папку Скобелева и, да-

же не открывая её, решительным, тяжелым жестом швырнул прямо в ревущее пламя камина.

Дорогой картон мгновенно почернел. Георгиевская лента вспыхнула ярким, чистым золотым огнем, а карты Памира, исписанные рукой Воронежского, начали корчиться и превращаться в серый пепел.

Воронецкий инстинктивно дернулся вперед. Царь сжигал наследие Скобелева прямо у него на глазах.

– Не дергайся, капитан, – глухо бросил царь, наблюдая за огнем. – Я сжигаю бумагу. Но цифры я помню. Нам нужен мир. Любой ценой. Еще два-три года мира. Чтобы перевооружить армию, перестроить заводы и спустить на воду новые броненосцы. И ты мне в этом поможешь.

Александр III повернулся к столу, открыл ящик и достал оттуда небольшую железную пластину – личный пропуск Собственной Охраны Гатчинского дворца.

– Официально капитан Воронежский умер от тифа по дороге из Москвы. Твоего имени больше нет в списках живых. Отныне, ты чиновник особых поручений моей личной охраны. Твой дом – Гатчина. Твоя работа – сидеть в подвалах, вскрывать нигилистов и... держать руку на горле графа Воронцова. Ты будешь моим Призраком. Если Воронцов шевельнёт хотя бы пальцем в сторону Лондона, ты задушишь его лично, без суда и следствия. Ты согласен на такую службу, капитан?

Воронецкий посмотрел на догорающий в камине пепел

«Индийского плана». В его сердце в эту минуту окончательно умер капитан-жандарм, веривший в закон. На его месте родился инквизитор империи. Он медленно подошел к столу и взял железный пропуск.

– Да, Ваше Императорское Величество, – тихо и безэмоционально ответил Воронецкий, пряча изуродованные шрамами руки в рукава. – Я согласен.

– Иди, – царь устало опустил обратно в кресле. – Черевин покажет твою каморку на телеграфе. Твоя Большая игра уходит под землю.

Воронецкий поклонился и бесшумно, словно тень, вышел из кабинета, оставив императора наедине с золотой печаткой изменника и пеплом сожженного плана. Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, замогильным стуком. Начинался Гатчинский конвой